

Григорьев 1893, 2. апр.

## ЛИТЕРАТУРНО - КРИТИЧЕСКИЙ

### ФЕЛЬЕТОНЪ.

Разсказъ г. Чехова.

#### I.

Новое произведение г. Чехова—новая неудача для него и новое разочарование для тѣхъ, кто интересуется его дарованіемъ. Вотъ ужъ сколько времени этотъ писатель очевидно силится создать что нибудь серьезное и выбиться изъ общаго уровня заурядныхъ рассказчиковъ, но всѣ усилія его проходятъ безслѣдно, точно надъ нимъ тяготеетъ какой-то невѣдомый гнетъ. Сначала онъ долгое время занимался исключительно мелкими очерками и рассказами, носившими характеръ этюдовъ. Эти рассказы и очерки въ публикѣ имѣли успѣхъ, такъ какъ обнаруживали въ молодомъ авторѣ и несомнѣнную наблюдательность, и умѣніе интересно и живо рассказывать. За дѣятельностью начинающаго писателя стали внимательно слѣдить, стали поощрять его дарованіе всевозможными похвалами. Иногда явно преувеличенными, но во всякомъ случаѣ на его первые опыты смотрѣли только какъ на опыты, какъ на пробы пера, какъ на подготовительныя работы. Сами по себѣ его первыя вещи не имѣли еще никакого значенія, какъ не имѣютъ значенія тѣ бѣглые аккорды, которые беретъ музыкантъ, прежде чѣмъ начать концертъ. Однако, проходилъ годъ за годомъ, и надежды, возлагавшіяся на начинающаго писателя, не оправдывались: появлялись все новыя и новыя рассказы, но тѣмъ не менѣе значеніе писателя ничуть не увеличивалось отъ этого и по прежнему онъ оставался все начинающимъ, а произведенія его—все пробами пера. Тутъ какъ бы повторилось то, что бываетъ нерѣдко съ бойкими подростками: покуда они въ юномъ возрастѣ, они поражаютъ своими недѣтскими сужденіями, своей недѣтской серьезностью, но время проходитъ, и по мѣрѣ того, какъ они становятся старше, ихъ сужденія и ихъ серьезность остаются тѣ же и уже не соответствуютъ возрасту, въ концѣ концовъ получается разочарованіе. Отъ г. Чехова все ожидали, все ожидали: вотъ онъ дастъ что нибудь достойное его дарованія, но не дождались, и теперь его произведенія далеко уже не возбуждаютъ того интереса, какой возбуждали когда-то.

На этомъ писателѣ больше, чѣмъ на комъ нибудь, оправдывается замѣчаніе г. Страхова о томъ, что бѣда нынѣшнихъ писателей происходитъ отъ отсутствія у нихъ какой-либо опредѣленной идеи, которая объединяла бы ихъ дѣятельность, какого-либо опредѣленнаго міросозерцанія, которымъ были бы проникнуты ихъ произведенія, и этотъ важный недостатокъ не выкупается даже ихъ превосходнымъ умѣніемъ рассказывать и живописать. И дѣйствительно, во всѣхъ послѣднихъ произведеніяхъ г. Чехова, въ которыхъ такъ очевидно желаніе создать что-нибудь крупное, прежде всего поражаетъ совершенное отсутствіе идеи, являющееся безъ сомнѣнія послѣдствіемъ неопредѣленнаго, колеблющагося міросозерцанія автора. И не смотря на то, что онъ иногда мастерски рассказываетъ и ткань разсказа поражаетъ богатствомъ и разнообразіемъ узоровъ, общее впечатлѣніе получается тусклое, расплывчатое.

Послѣднее произведение его, напечатанное въ двухъ послѣднихъ книжкахъ «Русской Мысли», не составляетъ, къ сожалѣнію, никакого исключенія. Наоборотъ, оно производитъ еще болѣе неблагоприятное впечатлѣніе въ виду того, что тема, въ немъ затронутая, чрезвычайно интересна, даже можно сказать, имѣетъ огромное значеніе, и даетъ поводъ ожидать очень многого. А чѣмъ большаго ждешь, тѣмъ, конечно, непріятнѣе разочарованіе.

#### II.

Произведеніе это называется—«Разсказъ неизвѣстнаго человѣка». Но уже съ первой страницы «неизвѣстный человѣкъ» оказывается вполне извѣстнымъ, даже въ высшей степени интереснымъ.

«По причинамъ, о которыхъ не время теперь говорить подробно—такъ начинается разсказъ неизвѣстнаго—я долженъ былъ поступить въ лакеи къ одному петербургскому чиновнику по фамилиі Орлову... Къ этому Орлову поступилъ я не ради его самаго, а ради его отца, извѣстнаго государственнаго человѣка, котораго считалъ я серьезнымъ врагомъ своего дѣла. Я рассчитывалъ, что, живя у сына, по разговорамъ, которые услышу, и по бумагамъ и запискамъ, какія буду находить на столѣ, я въ подробности изучу планы и намѣренія отца».

Этихъ строкъ уже вполне достаточно, чтобы понять, о какомъ неизвѣстномъ человѣкѣ здѣсь идетъ рѣчь. Конечно, всѣмъ намъ памятно печальное десятилѣтіе отъ 1870 до 1881 года, у всѣхъ насъ еще не изгладились изъ памяти тѣ страшныя дѣла, которыя творились въ то время въ Россіи и закончились неслыханной катастрофой 1 марта. Какъ

обнаружилось впоследствии, в те годы вовсе не редки были такие случаи, когда террористы под видом лакеев пробирались к нужным им людям и этим путем достигали тех или иных преступных целей. В данном случае нужно было уничтожить «серьезного врага» в лице известного государственного деятеля, и вот один из шаек отражается куда следует под видом лакея. Таким образом, главным действующим лицом является один из деятелей нашего столь же ужасного, сколько и смешного террора, и это сразу придает рассказу г. Чехова чрезвычайный интерес.

Дело в том, что у нас до сих пор нет ни одного литературного произведения, в котором представлены были бы деятели того печального времени. Тургеневский Базаров, первый нигилист, появившийся в нашей литературе, без сомнения идеализирован автором, который, по собственному признанию, относился к этому лицу то с изумлением, то с сожалением, но во всяком случае далеко не свободно; притом же Базаров относится к периоду нашего раннего нигилизма, это еще только зародыш того уродливого плода, который появился на свет значительно позже. Достоевский в «Бесах» бесспорно подошел очень близко к этому безобразному явлению и одну сторону его угадал и изобразил с поразительной ясностью: он дал великолепный тип «мошенника от революции», в лице Верховенского сына, но те из его героев, которые относились к революционному делу вполне искренно, как Шатов и Кириллов — представлены не совсем нормальными людьми, так что и этот роман полным изображением революционеров нельзя признать. Затем остаются еще произведения Маркевича и Ключникова, но они, не говоря о степени даровитости авторов, страдают явной тенденциозностью: писались эти произведения, так сказать, в разгар самой деятельности нигилистов и пристрастное отношение этих писателей к изображенным ими нигилистам вполне понятно, но за то теперь эта тенденциозность несомненно портит впечатление. Поэтому затронуть эту тему теперь чрезвычайно любопытно, тем более, что мы уже отошли от самого явления на некоторое расстояние и можем уже более или менее спокойно рассматривать и анализировать его. Интерес увеличивается еще тем, что г. Чехов выбрал такого «неизвестного человека», с которым стоит иметь дело, которого стоит рассматривать. Его «неизвестный человек» не мошенник от революции, а совершенно честный и бескорыстный человек, он

искренно и пламенно предавался нигилизму или терроризму, пока считал его истинной, но может свободно относиться к исповедуемому им учению, и если бы нашел его ложным, то способен и отречься от него; он, кроме того, не глупый и даже даровитый человек и к тому же он взят в тот именно момент, когда по разным причинам он стал сомневаться и в себя, и в свое учение.

«У меня тогда начиналась чахотка — так рассказывает про себя этот неизвестный человек. Не знаю, под влиянием ли болезни, или начинающейся перемны мировоззрения, которой я тогда не замечал, мною из дня в день овладевала страстная, раздражающая жажда обыкновенной, обывательской жизни. Мне хотелось душевного покоя, здоровья, хорошего воздуха, сытости. Я становился мечтателем и, как мечтатель, не знал, что собственно мне нужно. То мне хотелось уйти в монастырь, сидеть там по целым дням в башенке у окошка и смотреть на деревья и поля; то я воображал, как я покупаю десятину пять земли и живу помещиком; то я давал себе слово, что займусь наукой и непременно сделаюсь профессором какого-нибудь провинциального университета. Я — отставной лейтенант нашего флота; мне грезились море, наша эскадра и корвет, на котором я совершил кругосветное плавание. Мне хотелось еще раз испытать то невыразимое чувство, когда, например, гуляя в тропическом лесу или глядя на закат солнца в Бенгальском заливе, замираешь от восторга и в то же время грустишь по родине. Мне снились горы, женщины, музыка... Похоже было на то, как будто я только впервые стал замечать, что, кроме задач, составлявших сущность моей жизни, есть еще необятный внешний мир с его вьками, бесконечностью и с миллиардами жизней в прошлом и настоящем...»

Такими прекрасными чертами автор рисует нам настроение своего «неизвестного человека» в момент, когда начинается рассказ. Прочитав эту страницу, можно было подумать, что содержание рассказа и составляет исповедь этого неизвестного человека, и можно было надеяться, что автор покажет, каким образом, каким психологическим процессом «неизвестный человек», отдавший почти всю жизнь свою определенному делу, уже на склоне своих лет с изумлением, с грустью, почти с отчаянием, вдруг увидал, что кроме этого «дела» есть еще необятный мир, перед которым, пожалуй, и «дело» — то его представляется ничтожным и жалким. Ведь

этот психологический процесс бесспорно очень любопытен — тем более, что через него должны были пройти многие из тех искренних и даровитых молодых людей, которые по разным причинам оказывались в числе «неизвестных человек». Кто следили за нашим нигилистическим движением, в особенности в последнем его фазисе, когда он из нескольких идеалистического стремления к участию всего человечества в крайних своих последователях дошел до проповеди убийств, грабежей и всяких злодеяний, — кто следили за этим, тот, конечно, помнит, что даже в печати иногда проскальзывали известия о переменах, какие совершались с разными нигилистами под влиянием того, что они вынуждены были задуматься над своими действиями. Иной катится, так сказать, по наклонной плоскости нигилизма, полного отрицания всего, чем жив человек; но стоит только ему остановиться, на время перестать «действовать», задуматься и в продолжение известного времени сосредоточенно думать, как неожиданно начинает выступать перед его духовным взором целый внешний мир «с его вѣками, безконечностью и с миллиардами жизней в прошлом и настоящем». Так бывало, между прочим, с иными, попадавшими в тюрьму на одиночное заключение. Нѣтъ сомнѣнія, что обнажить перед нами этот сложный душевный переворот есть задача, достойная великаго мастера. И если бы г. Чехов хотя только намекнул на правильное разрѣшеніе подобной задачи, и тогда онъ заслуживалъ бы всякой похвалы.

Но бѣда въ томъ, что именно эту то задачу авторъ совершенно какъ будто потерялъ изъ вида и лишь временами, случайно и безъ всякой связи съ общимъ рассказомъ сообщаетъ разныя отрывочныя свѣдѣнія о душевныхъ настроеніяхъ «неизвестнаго человека», такъ что къ концу рассказа главная мысль, которая должна бы выступить на первое мѣсто, вовсе забыта. Само собой разумѣется, что ни о какомъ впечатлѣніи при такихъ условіяхъ и рѣчи не можетъ быть.

### III.

И тутъ причина неудачи кроется безъ сомнѣнія въ отсутствіи опредѣленнаго міровоззрѣнія у самого автора, который въ концѣ концовъ и самъ не знаетъ, что представляетъ его герой и какъ къ нему надо относиться — жалѣть или осуждать.

Съ одной стороны, та перемена во взглядахъ и убѣжденіяхъ неизвестнаго человека, которая повидимому составляетъ ядро рассказа, представляется

совершенно не мотивированной. Почему и какимъ образомъ произошла эта перемена, рѣшительно невозможно понять изъ того, что даетъ авторъ. Тутъ и развивающаяся чахотка, которая, можетъ быть, имѣла вліяніе, тутъ и внезапная любовь къ одной свѣтской дамѣ, которая, конечно, не обращаетъ никакого вниманія на отношенія къ ней лакея; тутъ, наконецъ, и уединенность, оторванность отъ обычной среды людей, среди которыхъ получили развитіе его прежнія убѣжденія. Авторъ указываетъ всѣ три причины, т. е. только сообщаетъ о нихъ, но не показываетъ, какъ каждая изъ нихъ вліяла на самое дѣло. Такимъ образомъ, перемена, происшедшая съ неизвестнымъ человекомъ, представляется совсѣмъ случайнымъ дѣломъ, а потому и мало интереснымъ.

Поступилъ онъ въ лакеи ради того, чтобы уничтожить «серьзнаго врага» своего дѣла, и единственно ради этого продолжаетъ оставаться лакеемъ, несмотря на то, что это ему и тяжело и унижительно. Но вотъ ему представляется случай быстро и разомъ достигнуть своей цѣли: «серьзныи врагъ», этотъ известный государственныи дѣятель, котораго онъ хотѣлъ уничтожить, оказывается въ его власти. Онъ приходитъ къ своему сыну, когда его нѣтъ дома, а въ квартирѣ одинъ только лакей, т. е. неизвестный человекъ, желающій смерти старика. Ему стоитъ употребить только немного физической силы, чтобы покончить съ слабымъ старикомъ, и цѣль жизни достигнута. «Но вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, я, — рассказываетъ онъ, — совершенно равнодушно поглядывалъ то на лысину, то на ямку, то на мѣхъ и спокойно размышлялъ объ отношеніяхъ этого человека къ своему единственному сыну и о томъ, что людямъ, избалованнымъ богатствомъ и властью, вѣроятно, не хочется умирать».

Серьзныи врагъ послѣ этого спокойно уходитъ цѣль и невредимъ, а неизвестный человекъ остается съ печальнымъ размышленіемъ. «Итакъ, — заключаетъ онъ, — во мнѣ произошла такая то перемена и я сталъ другимъ человекомъ!»

Какъ видите, эта перемена произошла совсѣмъ сюрпризомъ — сюрпризомъ даже для самого неизвестнаго человека, точно на него вдругъ откуда то свалилась эта перемена, точно это какая то внѣшняя сила, которая овладѣла имъ и съ которой борются нѣтъ возможности. Но, очевидно, что такая перемена ни съ какой стороны не имѣетъ никакого значенія.

Но еще страннѣе то, что никакъ нельзя понять, какъ авторъ смотритъ на эту перемену: какъ на естественный переходъ искреннаго человека отъ жи

Писа.  
Завсегу  
Эб-челм,  
морб-м.

къ правдѣ или же какъ на измѣну прежнимъ правдивымъ взглядамъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ заставляетъ своего героя говорить слѣдующее: «Я, подобно библейскому силачу, поднялъ на себя Газскія ворота, чтобы отнести ихъ на вершину горы, но только когда уже изнемогъ и навѣки простился со своею молодостью, замѣтилъ, что эти ворота мнѣ не по плечамъ и что я обманулъ себя. Къ тому же у меня была непрерывная, жестокая боль». Выходитъ, такимъ образомъ, что прежняя его дѣятельность, тѣ задачи, которыя составляли сущность его прежней жизни, представляли собою нѣкій подвигъ, но этотъ подвигъ оказался не подъ силу неизвѣстному человѣку, и онъ объ этомъ жалѣеть. Онъ только указываетъ на смягчающія его вину обстоятельства, значить, виновнымъ себя признаетъ, значить, происшедшую съ нимъ перемѣну онъ считаетъ измѣной и, значить, все прежнее ему представляется отнюдь не ложью и миражемъ.

Еще рѣче таже мысль выражена въ слѣдующемъ, какъ онъ выражается, огненномъ вопросѣ. «Отчего мы утомились? спрашиваетъ онъ. Отчего мы, вначалѣ такіе страстные, смѣлые, благородные, вѣрующіе, къ 30—35 годамъ становимся уже полными банкротами, такъ что отъ нашей вѣры, страсти и отваги не остается даже пыли? Отчего въ этомъ возрастѣ одинъ изъ насъ гаснетъ въ чахоткѣ, другой пускаетъ себя пулю въ лобъ, третій ищетъ забвенія въ водкѣ и картахъ, четвертый, чтобы заглушить страхъ и тоску, циннически топчетъ ногами портретъ своей чистой прекрасной молодости? Отчего мы, упавши разъ, уже не стараемся подняться и, потерявши одно, уже не ищемъ другого? Отчего?»...

Этотъ «огненный вопросъ», имѣющій кстатіи сказать, весьма мало отношенія ко всему разсказу, показываетъ однако, что «неизвѣстный человѣкъ» происшедшую съ нимъ перемѣну относитъ также къ потерѣ вѣры и отваги. Но если принять эти его слова за нѣчто серьезное, то вѣдь и весь разсказъ получаетъ какое то совсѣмъ странное значеніе. Очевидно, что авторъ и самъ стоитъ въ недоумѣніи передъ наблюдаемымъ имъ явленіемъ, и самъ только видитъ извѣстные внѣшніе факты, которые и описываетъ со всей добросовѣстностью и со всѣмъ умѣніемъ, но смыслъ этихъ фактовъ для него закрытъ, и всякая попытка его обнаружить приводитъ только къ путаницѣ и недоразумѣнію...

М. Южный.

М. Г. Зельмановъ